Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Этот французский Гелиогабал родился в Фонтенбло 19 сентября 1551 года, рос и воспитывался под надзором Екатерины Медичи, то есть, другими словами, в нем развивали одни только порочные наклонности, за полным отсутствием добрых качеств, в которых природа ему отказала. Хитрость заменяла в Генрихе ум, а животная чувственность – чувства человеческие. Хотя наружность обманчива и теории физиономики Лафатера, как назло, оказываются несостоятельными при их применении ко многим историческим личностям, однако же, судя по портретам Генриха III, можно сказать, что у него лицо было действительно зеркалом души.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1

Кондратий Петрович Биркин
Генрих III

Генрих Порубленный (le Balafre), герцог Гиз. – Мария Клевская, принцесса Конде. – Красавчики (les mignons)[1]

(1584–1589)

За три дня до смерти Карла IX, 27 мая 1574 года, в Париже были казнены на Гревской площади граф Аннибал Коконна и Иосиф Бонифаций де Ла Моль, обвиненные и уличенные в исполнении злодейского умысла – порчи короля посредством восковых кукол, найденных у злодеев при обыске в их квартирах. Порча куколками, в которую тогда повсеместно верили, состояла в том, что из воску вылепляли фигурку, похожую на того человека, которого желали *изурочить*. Окрестив ее, как человека, со всеми обрядами и дав имя последнего, куколке с разными заклинаниями пронзали грудь булавкою или, продернув сквозь всю куколку светильню, зажигали ее… Тот, на кого таким образом напускали порчу, сохнул, увядал, видимо таял, и спасти его не было никакой возможности. Все симптомы болезни умирающего Карла IX подтвердили, что он был испорчен.

Этой нелепой сказкой Екатерина Медичи маскировала истинную причину казни де Ла Моля и Коконна – причину, огласка которой могла быть источником новых кровавых столкновений между гугенотами и католиками. Дело было в том, что Генрих Наваррский и принц Конде, насильно удерживаемые при дворе, составили так называемый *скоромный заговор* (Complot des jours gras), имевший целью возведение на престол младшего сына Екатерины Медичи Франциска, герцога Алансонского, бывшего тогда королевским наместником. Он обещал начальникам предполагаемого восстания все, что они желали, то есть полную свободу богослужения кальвинистам, уступку им нескольких крепостей, семейству Монморанси – места, занимаемые Гиза-ми. Ла Моль, любимец герцога, фаворит Маргариты Наваррс-кой и Коконна, возлюбленный Генриетты Клевской, герцогини Наваррской, были в заговоре главными деятелями. Испуганный теми размерами, которые принимал заговор, малодушный Ла Моль довел о нем до сведения Екатерины Медичи, чем, однако же, не спас от плахи ни своей головы, ни головы товарища.

Из всех жертв королевы-родительницы эти два искателя приключений всех менее достойны жалости: один, как видим, был доносчиком и трусом; а другой – тот самый граф Коконна,

который резал гугенотов в Варфоломеевскую ночь.

Пользуясь болезнью сына, Екатерина Медичи деспотствовала как ей было угодно и с неослабным ожесточением преследовала гугенотов. По ее велению маршал Матиньон с сильным отрядом был отправлен в Нормандию против графа Монтгомери и Франциска де Брикевилля, барона де Куломбьер. Последний был убит при осаде Сен-Ло, а Монтгомери захвачен в плен и доставлен в Париж в самый день кончины Карла IX. По повелению королевы-родительницы пленника заточили в Консьержери, допрашивали его, разумеется, с пытками, наконец, обвиненный в государственной измене, умышлениях на спокойствие королевства, злодейском убиении пятнадцать лет тому назад короля Генриха II на турнире, Монтгомери был приговорен к смертной казни и обезглавлен 26 июня. Дети его, в том числе одиннадцать человек, были лишены доброго имени и всех прав состояния. Через месяц на Гревской площади сожгли на костре орлеанского уроженца Жофруа Балле, автора двух книжонок атеистического содержания. От роду ему было девятнадцать лет, и по всем признакам он был не в своем уме. Этими четырьмя казнями Екатерина Медичи потешала любезно-верный свой город Париж в ожидании прибытия из Польши нового короля, Генриха III, с личностью которого спешим ознакомить читателя.

Этот французский Гелиогабал родился в Фонтенбло 19 сентября 1551 года, рос и воспитывался под надзором Екатерины Медичи, то есть, другими словами, в нем развивали одни только порочные наклонности, за полным отсутствием добрых качеств, в которых природа ему отказала. Хитрость заменяла в Генрихе ум, а животная чувственность – чувства человеческие. Хотя наружность обманчива и теории физиономики Лафатера, как назло, оказываются несостоятельными при их применении ко многим историческим личностям, однако же, судя по портретам Генриха III, можно сказать, что у него лицо было действительно зеркалом души. Генрих был невысокого роста, очень нежного телосложения, с мелкими чертами лица и постоянно сладенькой улыбкой на тонких губах. Сознавая неприглядность рыжих волос и бровей, он, думая сделаться красивее, пуще безобразил себя, подкрашивая волосы в черный цвет, подводя брови, румянясь и белясь не хуже отъявленной кокетки. С первых годов воцарения, когда для совершенного сходства с Гелиогабалом король воображал себя женщиной, он носил серьги, ожерелья и лифы с открытыми плечами и грудью. Наследовав от матери многие черты ее гнусного характера, Генрих, верный правилам итальянской политики, был особенно ласков и приветлив с теми, кого он ненавидел или боялся. Восемнадцати лет он принимал

участие в столкновении с гугенотами, отличался в сражениях при Жар-наке, Монконтуре, но еще того более – во время Варфоломеевской ночи, так как резать полусонных и безоружных было ему тем приятнее, что не сопрягалось ни с малейшей опасностью. Благодаря происках и золоту Екатерины Медичи польские дворяне избрали его себе в короли в 1573 году. Теперь мы сделаем небольшое отступление.

Герцог Генрих Гиз, сын покойного Франциска Лотарингского, с 1570 года был женат на Екатерине Клевской, вдове Антония де Круа, принца Порсиен. Всячески стараясь породниться с королевским домом, Гиз, дружный с Генрихом III (тогда еще герцогом Анжуйским), обратил его внимание на свою свояченицу, шестнадцатилетнюю красавицу Марию; тот влюбился в нее до безумия и, не откладывая далеко, решил жениться на Марии, но встретил неумолимую оппозицию со стороны королевы-родительницы: Мария Клевская была протестантка. Чтобы утешить опечаленного Генриха, Екатерина Медичи поручила своей фрейлине Ренате Риё де Шатонеф отвлечь его своими ласками от Марии. Рената начала свои маневры кокетством, томными взглядами, нежными вздохами – и они произвели на Генриха желанное действие: он начал ухаживать за Ренатой, ответившей отказом на его страстные домогательства. Маневр очень искусный, но тем неудачный, что в это же самое время Рената удостоивала своей благосклонностью любимца Генриха де Линьеролля. Последний в откровенную минуту похвастался герцогу Анжуйскому своими успехами и тем нанес жестокий удар его самолюбию, за который поплатился головою. Месяца за три до Варфоломеевской ночи тот же Линьеролль (а может, и другой кто-нибудь) разболтал о преднамеренных убийствах и за это по повелению герцога Анжуйского был убит его приверженцем Виллькье. Разочарованный в Ренате Шатонеф, Генрих опять обратился к Марии Клевской. Различие вероисповеданий, бывшее главным препятствием к их браку, было устранено переходом Марии 3 октября 1572 года в католицизм. Но явилось другое: Генриху, избранному в короли польские, прочили в супруги княжну Анну Ягеллон… Очарованный Марией, Генрих готов был отказаться и от руки княжны, и от королевства Польского. Видя, что сын ее окончательно потерял голову, Екатерина Медичи постаралась о скорейшей выдаче Марии Клевской за принца Генриха Конде, а герцога Анжуйского, убитого горем, отправили в Польшу, где он и царствовал по 19 июня 1574 года, то есть по самый день своего бегства во Францию, куда призывала его Екатерина Медичи на открывшуюся после смерти Карла IX вакансию. Генрих, едучи окольными дорогами на Вену, в Венецию,

оттуда в свое королевство, прибыл во Францию в сентябре. Здесь он прежде всего приступил к расторжению брака Марии Клевской с принцем Конде, ссылаясь на то, что муж ее еретик, гугенот, и не обращая внимания на беременность Марии. Бог весть чем бы кончились старания Генриха III, если бы Мария, принцесса Конде, не скончалась 30 октября 1574 года от несчастных родов. Король в неутешной своей горести дошел до карикатуры: он в течение нескольких дней безвыходно просидел в комнате, обитой черным сукном, нарядился в траурное платье, состоявшее из черного бархатного колета с вышитыми на нем серебром мертвыми головами на скрещенных костях; из мертвых голов, выточенных из слоновой кости, были тогда снизаны и его четки… Добрая утешительница, Екатерина Медичи поручила его вниманию Ренаты

Шатонеф (на этот раз ему послушной), девицы д'Эльбеф, наконец, знаменитой госпожи де Сов. Генрих, как говорится, очертя голову бросался в объятия и той, и другой, и третьей – затем чтобы в пресыщении найти лекарство от своего горя… Этот переход – от слез к безумному распутству – понятен; в нем еще виден был человек, вскоре превратившийся в животное, одержимое извращением своих чувственных побуждений.

До сих пор мы говорили о фаворитках, пользовавшихся благосклонностью государей благодаря любви, которую они умели пробуждать в последних; упоминали мы также и о временщиках, которых собственная дерзость или слабость возводила на престол… Царствование Генриха III, прозванное *царствованием фаворитов* (regne des favoris), представляет совсем иную картину, о которой приличие запрещает нам распространяться. Какую роль играли при Генрихе III его знаменитые красавчики (les mignons) Келюс, Можирон, Шомбер, Сен-Люк, Сен-Мегрен, Жуайёз и д'Эпернон – об этом читатель может догадаться сам, если мы скажем, что эти красавчики были неприлично женоподобны, имели что-то задорно-сладострастное в манерах, во взгляде, в походке. Госпожа де Сов сосватала королю невесту – Луизу, дочь графа де Водемон, из дома Лотарингского, на которой Генрих женился 15 февраля 1575 года; женатый, он ухаживал за падчерицей вдовы президента Буланкура, девицей Бюсси, но ни жена, ни эта девица не пользовались такой неограниченной нежностью короля, как его милейшие красавчики. Все они занимали знатнейшие должности при совершенной бездарности и гнусной изнеженности, безнаказанно бесчинствовали в Париже, бесчестили женщин и девиц, убивали на дуэлях мужей, отцов и сами, *будуарные опричники,* оканчивали жизнь или на поединках, бывших тогда в

большой моде, или, еще хуже того, под ножами тайных убийц! Не стоят *они*– эти фаворитки в образе мужчин – подробных биографических очерков, и их имена заслуживают памяти потомства разве только для того, чтобы служить бранными нарицательными именами им подобных гермафродитов. Единственным мужчиной при дворе этой позорной, неблагопристойной эпохи был знаменитый герой, *фаворит всей Франции,* претендент на престол королевский – герцог Гиз Генрих Порубленный (Henri le Balafre).

Он родился 31 декабря 1551 года и, удостоенный титула герцога Жуанвилль, воспитывался при дворе Генриха II. С двенадцати лет под руководством отца своего Франциска он ознакомился с боевой жизнью под стенами Орлеана, где в одно и то же время выказал храбрость воина, закаленного в бою, и неукротимую ненависть к гугенотам, убийцам своего отца. По усмирении междоусобий в 1567 году Генрих отправился в Венгрию, где принял участие в битвах с турками, а по возвращении на родину прославился подвигами в сражениях при Массинья-ке, Жарнаке, Монконтуре и отразил адмирала Колиньи от стен осажденного им Пуатье. В битве при Шато-Тьерри, в которой он разбил наголову 30-тысячный корпус немецких войск, шедших на помощь гугенотам, герцог Гиз был ранен в щеку ударом палаша, оставившим шрам на всю жизнь. За этот рубец, стоивший ордена, Гизу дано было прозвище *Порубленного* (le Balafre). Умный, одаренный увлекательным красноречием, простой или надменный в обхождении, кстати и у места, наконец, красавец собой, он побеждал умы мужчин и одинаково успешно сердца женщин. Маргарита Валуа, выданная за Генриха Наваррского, была его фавориткой. Связь их, которую Гиз был намерен загладить браком (согласовавшимся с его политическими видами), возбудила негодование Екатерины Медичи и Карла IX, для успокоения которых Гиз женился на вдове принца Порсиен. Неверный своей супруге, как и все мужья того времени, Гиз, однако же, не давал ей воли и убийством красавчика Сен-Мегрен отбил охоту у всех и каждого покушаться на его семейное спокойствие. Сен-Мегрен влюбился в герцогиню Гиз и решился сделать ей признание, на которое она отвечала ему не слишком сурово. Проведав об интриге, герцог подложным письмом от имени жены заманил ее возлюбленного в западню, где Сен-Мегрен был убит наемными убийцами. По варварским понятиям того времени Гиз был совершенно прав, и сам король не смел предъявить своих претензий за убиение одного из своих фаворитов. Гиз в своем самоуправстве действовал даже не как муж, мстящий обольстителю своей жены, а, вернее, как государь,

наказующий преступника за оскорбление величества. Гроза гугенотов, опора и надежда католиков, любимец народа, Генрих Порубленный именно в это время уже прокладывал себе путь к королевскому престолу посредством Священного союза, известного в истории под именем *Лиги* (La Sainte Union, la Sainte Ligue).

Мы говорили, что мысль о Варфоломеевской ночи была подана Екатерине Медичи герцогом Альбой. Ослабляя Францию внутренними междоусобиями, Филипп II тайно надеялся присоединить ее к своей державе. Папа римский проник в эти замыслы, но тайно противодействовал видам испанского деспота, покровительствуя партии Генриха Гиза. Маскируя свои настоящие намерения усердным служением церкви, Генрих с 1576 года с помощью преданных своих сообщников начал образовывать в разных областях Франции тайные общества защитников католицизма, сосредоточив в Париже главное над ними начальство под именем центрального комитета. При содействии приходских священников, своими проповедями разжигавших фанатизм, Лига возрастала неимоверно, и, таким образом, Гиз осетил всю Францию. Он весьма верно рассчитывал, что, встав во главе религиозного движения, может без всякого труда свергнуть Генриха III и занять его место. Благодаря бумагам, найденным у курьера, умершего в Лионе на пути в Рим, куда он ехал по приказанию Гиза, король узнал о существовании Лиги и догадался о настоящих намерениях своего противника. По совещании с Екатериной Медичи Генрих III, именным указом подтвердив и одобрив существование Лиги, объявил себя ее главой, то есть сам же стал во главе заговорщиков, умышлявших его низвержение. На это обстоятельство ему указал президент де Ту (de Tou), но, к сожалению, поздно. Народ и все сословия охладели к Священному союзу, лишь только король объявил себя его соучастником… Безымянные письма, пасквили, памфлеты и карикатуры градом посыпались на Генриха III, и он, думая совершить подвиг, сделал промах ничем не поправимый. Признавая короля главой Лиги в ее религиозном смысле и великодушно предоставляя ему борьбу с гугенотами, Гиз деятельнее, но и секретнее прежнего занялся вербовкой приверженцев и распространением заговора. В Париже вместо прежнего центрального комитета был учрежден *Совет Шестнадцати,* сообразно числу частей города. Для руководства заговорщиками в Париж прибыл брат Гиза, герцог Майенский, и объявил, что пора приступить к действиям. На первый случай было решено захватить короля в Лувре и, заточив его в монастырь, объявить королем Генриха Гиза. Как бы в ответ на это

намерение король усилил свою дворцовую стражу и принял решительные меры к отражению мятежников. Герцог Майенский, призванный к ответу, оправдался, сказав, что воинские приготовления жителей имеют одну цель – истребление гугенотов, но что на свободу короля никто не осмеливается покушаться… После этого несколько раз лигёры составляли заговоры к овладению Генрихом III – и каждый раз планы их рушились благодаря доносам Николая Пулена, одного из членов тайного совета. Видя, что главными агитаторами были приходские священники, король 2 сентября 1587 года приказал их арестовать, но прихожане с оружием в руках решились защищать своих отцов духовных. Испуганный Генрих объявил им прощение, на которое никто не обратил внимания, так как он не смел поступить иначе. Он приказал сестре Гиза, госпоже Монпансье, в 24 часа выехать из Парижа, а она, смеясь, разъезжала по городу, показывая знакомым позолоченные ножницы, которыми грозилась постричь Генриха Валуа в монахи. Король, или, как его тогда называл народ, Генрих Валуа сидел ни жив ни мертв в Лувре, окруженный телохранителями, боясь показаться народу. Герцог Гиз написал ему весьма любезное письмо, предлагая свое содействие к усмирению мятежа. Еще не окончательно одуревший от страха, король понял, что прибытие Гиза в мятежную столицу будет искрой, которая подожжет этот подкоп, подведенный под его трон, и потому отвечал герцогу запрещением въезжать в Париж. Как будто издеваясь над королем, Гиз прибыл в Париж 9 мая 1588 года и, восторженно встреченный народом, явился во дворец к Екатерине Медичи. Дряхлая злодейка взялась за роль примирительницы и представила Гиза своему сыну.

Встреча соперников была самая комическая. Король, бледный, дрожащий всем телом, задыхался, шипел, как придавленная змея, а Гиз с коварной улыбкой уверял его в своей верности и совершенной преданности. Это свидание, равно и другое на следующий день, не привели ни к какому результату, а только подтвердили Генриху III, что Гиз не ставит его ни в грош и что корона королевская не сегодня, так завтра перейдет *с больной головы на здоровую.* Во избежание этого позора Генрих Валуа приказал вступить в Париж всем войскам, расположенным в окрестностях столицы… Воинов королевских народ встретил бранью, камнями, выстрелами и перегородил им улицы завалами или баррикадами. Этот день, 12 мая 1588 года, известен в истории под именем дня баррикад (Journeˆ des barricades).

Не принимая личного участия в бунте, Гиз явился к королю с любезным предложением своих услуг для устранения

мятежников. Он же, столкнувший Генриха III в яму, радушно подавал ему руку, чтобы его из нее вытащить. Не давая согласия, а просто повинуясь своему злодею, король вместе с ним явился народу, и оба Генриха верхом проехали по городу. Мятеж мгновенно утих, но поднялась новая буря – восторженных криков, которыми народ встретил своего возлюбленного Гиза.

– Ура герцогу! Да здравствует защитник церкви! Виват, отец наш, славный Гиз!!! – ревели сотни тысяч голосов.

Любезно откланиваясь народу, виновник торжества говорил теснившимся на пути гражданам:

– Довольно, довольно *для меня*… Крикните же наконец что-нибудь и *королю*…

Но охотников кричать «виват» Генриху Валуа оказалось немного, да и те были из его придворной прислуги.

Униженный, раздавленный, Генрих III проглотил обиду, возвратился в Тюильри и на другой же день – давай бог ноги – ускакал из Парижа в Шартр. Это бегство, весьма основательно показавшееся Гизу опаснее присутствия короля, испортило все дело. Тщетно Екатерина Медичи, теперь взявшая сторону Гиза, писала Генриху III, умоляя его возвратиться; тщетно парламент отправил к нему депутацию. Брат красавчика Жуайёза для умягчения короля прибегнул к средству, которое может служить доказательством, как тогда во Франции кощунствовали над религией, ее обрядами и священнейшими предметами поклонения. Брат Жуайёза, монах-капуцин, выбрав тридцать пять товарищей, отправился с ними процессией в Шартр. Капуцины шли босые; Жуайёз в терновом венце нес на плечах огромный крест, а следовавшие за ним два монаха подгоняли его ударами плеток (дисциплин) по обнаженным плечам. Прибыв в Шартр, кощуны остановились под окнами дворца, распевая священные песнопения и продолжая бичевания, от которого на плечах Жуайёза оставались кровавые полосы… Генрих III был сначала тронут этим зрелищем, но потом, осыпав негодяев бранью, велел их прогнать. Действительно, было за что: терновый венец, надетый на Жуайёза, был пришит к парику; крест был сделан из картонной бумаги, а мягкие концы плетей были обмазаны краской кровавого цвета!

Наконец 2 августа герцог Гиз вместе со своим братом, кардиналом Карлом, прибыл в Шартр с предложением Генриху III своей покорности и верного союза против гугенотов. На это предложение король отвечал Гизу пожалованием ему звания генералиссимуса. Из Шартра двор переселился в Блуа, где король предполагал созвать общую Думу. Нарушить мир с королем казалось Гизу бесчестным, однако же довольствоваться саном

генералиссимуса вместо короны королевской было ему тоже не совсем приятно. На этот раз лигёры настаивали на том, чтобы покончить с Генрихом III одним решительным ударом… Гиз колебался.

Слухи о злоумышлениях Лиги дошли до короля. Желая явить Гизу пример чистосердечия и в то же время застраховать себя от подозрений, более или менее основательных, Генрих III, призвав его в Блуа, 4 декабря после торжественного молебствия заставил с клятвой на святых дарах подтвердить свою присягу на верность. Гиз повиновался – и враги разменялись клятвами, скрепив их причащением. Кощунство Жуайёза сравнительно с этим едва ли не было извинительно! В течение нескольких вечеров после того у короля с королевой-родительницей происходили тайные совещания, о которых доброжелатели Гиза уведомляли его безымянными письмами. Генрих III и Екатерина Медичи (теперь сама стоявшая одной ногой в гробу) совещались о том, как избавиться от Генриха Гиза. Маргарита Наваррс-кая, опасаясь за жизнь своего возлюбленного, переодевшись в мужское платье, предупредила его; накануне своей смерти Гиз, ужиная у своей фаворитки, госпожи де Сов, нашел под салфеткой письмо, в котором его заклинали быть осторожным, так как есть умысел на его жизнь.

– Не посмеют! – сказал он, разрывая записку.

В пятницу, 23 ноября 1588 года, к Гизу явился посланный из дворца с приглашением к королю. Герцог медлил, жаловался на нездоровье и на озноб, однако же отправился к Генриху III и всходил на дворцовую лестницу, беззаботно жуя конфетки. В приемной и ближайших к королевскому кабинету покоях, в числе 45 человек, стояли вооруженные телохранители. Начальник их Монсери (Montsery) или, по другим сказаниям, Сен-Малин (S-t Malines) подошел к Гизу и, схватив его за эфес шпаги, вонзил ему в горло кинжал… Падая, обливаясь кровью, Гиз прохрипел только:

– Господи, отпусти мои прегрешения!.. Прости меня, Господи!..

Многочисленные удары, посыпавшиеся после того на несчастного, поражали его бездушный труп. Кардинал, сопровождавший брата и бывший в соседнем покое, бросился было на помощь, но был уведен под стражей. Генрих III, выбежавший из кабинета, чтобы собственными глазами убедиться в исполнении своего злодейского приказа, выразил свою радость тем, что подбежал к трупу будто навстречу ожидаемого друга; пинал его ногами, бил по щекам, плевал в потускневшие, страшно вытаращенные глаза покойника; потом (вероятно, чтобы

окончательно уподобиться бессмысленному животному) омочил его неблагопристойным образом.

Брат Гиза, кардинал, был на другой же день зарезан в темнице; трупы того и другого были брошены в яму с негашеной известью. Мщение Генриха III было вполне его достойно, и едва ли иначе мог мстить сын Екатерины Медичи. Весть о гибели Гизов поразила ужасом весь Париж, а с ним почти всю Францию; к общему ропоту негодования примешались проклятия Генриху Валуа и вопли об отмщении. Главою своею лигёры провозгласили брата убиенных, Карла Лотарингского, герцога Майенского. Генрих III, отважный для предательского убийства, но трусливый и нерешительный во всех тех случаях, где следовало действовать смело и открыто, растерялся окончательно. Его советница и руководительница на пути злодейств Екатерина Медичи оказала ему последнюю услугу, дав совет войти в союз против Лиги с Генрихом, королем наваррским; говорим – *последнюю* услугу, потому что Екатерина Медичи вскоре умерла, 5 января 1589 года. Недавний глава лигёров не думал искать расположения их врага, а последний, в свою очередь, рассудил за благо составить против них коалицию *с* державным своим шурином. Тридцатого апреля в Плесси-ле-Туре произошло свидание недавних врагов и их примирение. Генрих Наваррский предложил королю французскому идти с войсками на мятежный Париж и привести его к повиновению. В июне союзная армия двух Генрихов приблизилась к столице и расположилась лагерем в Сен-Клу; готовились новые усобицы, ужаснее прежних. В Париже царствовало совершенное безначалие; проповедники со своих кафедр благословляли память Гизов и предавали проклятию имя убийцы – Генриха Валуа; по церквам служили обедни с молебствиями о низведении громов небесных на голову короля, причем богомольцы зажигали свечи перед иконами, ставя их нижней частью вверх, или вместо свеч затепливая восковые куколки, изображавшие Генриха III. Королем вместо него был провозглашен Карл X, кардинал Бурбон, побочный брат короля наваррского.

В это безвременье 29 июля к герцогу Майенскому явился приор якобитов Эдмонд Бургуан (Bourgoing) и сообщил ему, что в числе братии есть один, некто Иаков Клеман, вызвавшийся отомстить Генриху III за лишение церкви ее опоры в лице покойного Гиза.

– Этот Клеман, – говорил приор, – малый отчаянный, восторженный, даже, кажется, немножко помешанный: постоянно рассказывает братии о каких-то чудных видениях, о голосе с небес, повелевающем ему избавить родину от ее злодея…

– Убийством? – перебил герцог Майенский. – Но подумал ли несчастный о том, что ожидает его самого?

– Венец мученический, – отвечал приор спокойно. – Я и все якобиты тем более одобряем намерение Клемана, что он во всяком случае не жилец на свете!

Де ла Шартр и Вилльруа, бывшие при этом разговоре, усомнились в удаче намерения якобитов, так как Клеману едва ли было возможно попасть к королю под благовидным предлогом.

– Есть и предлог, – убедил их Бургуан. – Клеман представит Генриху Валуа бумаги с донесением о недавнем заточении в Бастилию членов парламента.

Через три дня дежурные при королевском шатре в лагере Сен-Клу доложили Генриху III, что какой-то монах-якобит из Парижа настоятельно требует видеть короля по какому-то важному делу.

– Пусть войдет, – отвечал король, – а то, пожалуй, скажут, что я гнушаюсь монахов.

Дежурный офицер ввел бедного иссохшего монаха со впалыми, но огненными глазами и крючковатым носом. Широкая ряса, опоясанная веревкой, висела на его исхудалых плечах, как на вешалке; поступь монаха была медленная, но твердая. Смиренно преклонив колени перед Генрихом III, Иаков Клеман отдал ему сверток бумаг и, когда король углубился в их чтение, мгновенно ударил его ножом в нижнюю часть живота…

Генрих, оттолкнув убийцу, выхватил нож из раны, бросил его Клеману в лицо и, падая в кресла, изгибаясь от боли, закричал отчаянно:

– Убейте, убейте злодея! Он меня ранил!

Прибежавшие телохранители бердышами и мечами изрубили Иакова Клемана на части, труп его был сожжен, а пепел развеян по ветру. Врачи, призванные на помощь к королю, объявили рану безусловно смертельной; мучения Генриха III, длившиеся целые сутки, были невыносимы… 2 августа 1589 года Генрих скончался, и с ним пресеклась королевская династия Валуа, владычествовавшая во Франции 261 год в лице тринадцати королей. Иаков Клеман был причислен к лику святых; орден якобитов гордился им и за громадные деньги продавал его изображение, несмотря на то что один из тогдашних охотников до анаграмм из букв имени его: FRERE JACQUES CLEMENT составил весьма позорную для его памяти фразу: C' EST L' ENFER QUI M'A CREE («Меня создал ад»).

В дополнение характеристики Генриха III мы могли бы представить читателю множество выписок из летописей того времени, в особенности из дневника л'Этуаля, но воздерживаемся, довольствуясь тем, что уже нами сказано о последнем Валуа.

Радость парижан при вести об его убиении не имела пределов; смерть короля праздновали иллюминацией и разгульными пиршествами. Госпожа Монпансье и герцогиня Наваррская в блестящих праздничных нарядах разъезжали по городу и в некоторых церквах, восходя на кафедры, говорили речи народу о всерадостном событии. Преемником Генриха III по закону престолонаследия был король наваррский, Генрих Бурбон; однако же корону французскую ему пришлось взять с бою. 31 октября им начата была достопамятная в летописях французских осада Парижа.

notes

Примечания

1

Не можем подобрать иного слова, равносильного французскому прозвищу этой орды содомитян, к а м е л и й в мужском платье, называвшихся также и ландышками (muquets).